

А.В. Кучеренко

TRANS в границах кантовского учения о свободе воли

В статье осуществляется попытка осмысления отдельных положений этики Канта с использованием законов формальной логики и диалектики. В центре внимания находится вопрос о соотношении содержания практического разума и морального закона, а свобода воли рассматривается с позиции значений трансцендентального и трансцендентного. Затрагивается проблема совершенства метода при определении содержания частной общезначимой нормы.

Ключевые слова: свобода воли; моральный закон; практический разум; архитекtonика; трансцендентальное.

Решение вопроса И. Кантом о соотношении свободы воли и разума сводится к ограничению разумом свободы воли, основанной на «себялюбивых» (эгоистических, эгоцентричных) склонностях.

Данный вопрос может быть рассмотрен через соотношение категорий *единичного*, *общего* и *всеобщего*. *Единичное* предполагает использование двойных стандартов в поведении при поиске односторонней выгоды. *Общее* ограничено взаимными обязательствами, куда можно отнести «золотое правило нравственности», определяемое Кантом как «тривиальное» [2: с. 171]. Тривиальность предполагает крайнюю степень упрощения. Дело в том, что в указанном правиле содержится некоторая неопределенность и двусмысленность, поскольку здесь способна присутствовать корпоративная этика в замкнутом сообществе, это этика «честного вора» в сообществе воров и этика всех локальных сообществ, где «ворон ворону глаз не выклюет». В данном случае *общее* не свободно от применения принципа двойных стандартов по отношению к другому сообществу (народу, нации, этнической группе, религиозной конфессии и т. д.).

В *единичном* и *общем* присутствует внутреннее противоречие, поскольку они не вписываются в общечеловеческую мораль, достижение которой требует разум согласно своему формальному и априорному принципу архитектоники

в масштабе тотальности, где всякое частное значение должно играть подчиненную роль по отношению к абсолютному значению морального поведения, т. е. объединяющему все случаи построения отношений, всегда и при любых обстоятельствах.

Тем самым универсальную нравственность определяет, как оказывается, формальный принцип разума, служа для нее единственным достаточным основанием. Формальная сторона строения разума становится для Канта альфой и омегой не только определения рациональной сущности процесса познания объектов природы, но и содержания нравственности: «если чистый разум сам по себе может быть практическим и действительно таков, как об этом и свидетельствует сознание морального закона, то это всегда один и тот же разум, который, будь то в теоретическом или практическом отношении, судит согласно принципам *a priori*» [1: с. 615] или «мы имеем дело с одним и тем же разумом, который различается только в своем применении» [2: с. 55].

В каких основных формах, согласно представлению Канта, может проявляться свобода воли? По степени приближения к соблюдению общезначимых норм можно выделить всего три значения.

Во-первых, между себялюбивыми склонностями, «когда превыше всего ставится *благоволение* к себе самому, или заинтересованность *самодовольства*» [1: с. 469]. Внутри себялюбивых склонностей находит себе приют множество желаний, сводимых исключительно к удовлетворению личных потребностей вне учета каких-либо моральных ограничений. Соблюдая (или нет) принятые данным сообществом внешние условия приличия, человек продвигается к своей цели, движущим мотивом которой является эгоцентризм. Так дети могут играть на слабостях или разногласиях родителей; так могут конфликтовать родственники при дележе наследства (разрывая родственные связи); супружеская пара способна взаимно игнорировать интересы друг друга, стремясь к доминированию в отношениях с каждой стороны; у карьериста найдется не один десяток запрещенных приемов, используемых им для приближения к начальству и продвижения по служебной лестнице; эгоцентризмом подпитывается, наконец, любое преступление против личности, общества и государства. Кант об этой форме высказывается следующим образом: «...все материальные принципы, которые определяющее основание произвольного выбора полагают в удовольствии или неудовольствии, испытываемых от действительности какого-нибудь предмета, *совершенно однородны в том смысле*, что все они относятся к принципу себялюбия или собственного блаженства» [1: с. 329]. Под «материальными принципами» можно понимать принципы и приемы поведения, определяемые человеком или сплоченным сообществом, осуществляющими задуманное ради личной или коллективной (например, ОПГ) выгоды при полном игнорировании общезначимых норм и интересов общества как целостного организма.

Во-вторых, свобода воли проявляется в ее колебаниях между себялюбивыми склонностями и общезначимыми моральными нормами. Здесь может возникнуть масса вопросов: оказать сопротивление господствующему злу

или смириться с ним, сохранив себя и свои завоеванные привилегии? Жить, постоянно приспосабливаясь к общепринятому мнению, или отстаивать высшие общественные интересы и ценности вплоть до самопожертвования (например, образ жизни гонимых господствующей властью прогрессивных революционеров, философов, поэтов, художников)? Предпочесть непрерывное самолюбование или гнетущую самокритику с муками поздно проснувшейся совести? Совершить жертвенный подвиг ради других или предпочесть позаботиться в критической ситуации прежде всего о самом себе? Борьбаться за справедливость или быть равнодушным к окружающему никак тебя лично не затрагивающему добру и злу? И тому подобное... В кантовском изложении эта форма представлена так: «воля в редоточии своем стоит как бы на распутьи между своим принципом а priori, который формален, и своим мотивом а posteriori, который материален» [2: с. 79–81].

В-третьих, *автономия* воли заключается в ее абсолютной свободе от себялюбивых склонностей при соблюдении общезначимых норм морального закона лишь из уважения к самому моральному закону при исключении какого-либо сопутствующего корыстного мотива, исходящего от себялюбивых склонностей. В данном случае Кант определяет такую свободу воли как моральную свободу. Он отмечает, что «свободная воля и воля, подчиненная нравственным законам, есть одно и то же» [2: с. 223]. Трансцендентность свободы воли заключается в том, что она может быть представлена как в первом, так и во втором, и третьем варианте, проходя сквозь эти формы с выходом за их границы в априорную трансцендентную область. Точнее будет сказать (поменяв местами причинно-следственную зависимость), что наличие свободы воли в качестве трансцендентной субстанции обеспечивает ей возможность присутствия в вышеперечисленных формах. П. Мучник отмечает данную трансцендентальность и трансцендентность свободы: «...несмотря на дуалистическую терминологию Канта, самолюбие — это такое же выражение свободы, как и категорический императив» [3: с. 30].

Моральный закон, содержание которого отражено Кантом в формулировке категорического императива, предполагает соблюдение всего лишь одного принципа: «поступай только по такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом» [2: с. 143], т. е. норма поведения должна обладать статусом общегодности, во-первых, при любых обстоятельствах и в любое историческое время и, во-вторых, на всех уровнях общения (межличностном, межгрупповом, межгосударственном и международном) при отсутствии каких-либо двойных стандартов. В моральный закон на условиях равноправия входит совокупность моральных законов, качественно отличных друг от друга (например, «не лги», «держи данное тобой слово», «не будь равнодушным к несчастью другого» — это выводы из некоторых приведенных Кантом примеров того, как себя вести, следуя требованию категорического императива), при этом все они подчиняются центральному принципу морального закона — общегодности.

Моральный закон, содержащий лишь принцип нравственного поведения, всего один, но норм поведения, отвечающих его требованию, множество, и каждая из них в рамках своей специфики тоже выступает в качестве морального закона, обладающего собственной индивидуальностью.

Если использовать категориальный аппарат диалектики, то можно указать в связи с этим соотношением на сущность (принцип априорного морального закона) и явление (моральные законы), возможность (как принцип) и действительность (его вхождение в отдельную специфическую норму), единичное (отдельная норма) и всеобщее (надиндивидуальный принцип по отношению к отдельной норме).

Можно соотнести и с законами диалектики. Например, закон единства и борьбы противоположностей предполагает отсутствие противоречия в стремлении к общей цели, и в этом единство части и целого. Что касается парного противопоставления, то нормы можно разделить на рациональные («не лги», поскольку с лжецом никто никогда не будет иметь никаких общих дел) и чувственные («не будь равнодушным к несчастью другого» [1: с. 459], т. е. призыв к состраданию). Здесь же следует учесть, что данный закон уже присутствует и в каждой связке противоположных категорий.

Закон перехода количественных изменений в качественные означает постепенное выявление общезначимых норм как единиц, призванных перейти в новое качество в виде исчерпывающей совокупности норм, составляющих тотальность морального закона, призванного служить устойчивым образцом построения высоконравственных отношений.

Закон отрицания отрицания предполагает бесконечное движение к недостижимому (с точки зрения Канта) совершенству поведения в соответствии с совокупностью норм морального закона (или, в другом случае, постепенный переход от религии культа к моральной религии).

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что моральный закон проявляется в четырех ипостасях: как действительно существующая чистая и пустая априорная форма; как самый общий принцип этой формы (отраженный в категорическом императиве); как отдельная специфическая всеобщая норма, как исчерпывающая совокупность (тотальность) специфических всеобщих моральных норм. Все эти значения входят в объем понятия «моральный закон».

Кант отмечает, что теоретический разум (направленный на познание объектов природы) лишь регулятивен, т. е. приводит в систему наши представления в той мере, в какой природа нам является на текущем уровне ее понимания. Практический же разум (направленный на познание совокупности всеобщих моральных норм) конститутивен, т. е. способен дать достоверную истину с опорой на демонстрацию своей истинности (при сопутствующем использовании системы категорий и способности суждения).

Примером определения кантовского трансцендентализма в области этики с использованием формальной логики может служить суждение В.С. Соловьева, отмечающего такую логическую ошибку как «круг в доказательстве»,

где тезис является основанием вытекающего из него следствия, а следствие, в свою очередь, служит основанием тезиса: «Бог и бессмертная душа выводятся из нравственности, а сама нравственность обусловлена Богом и бессмертной душой» [5: с. 244].

Возникает вопрос о соотношении строения практического разума с моральным законом и того, как в этой связи соблюдаются законы формальной логики. Априорная форма практического разума это не нечто туманное и загадочное, как может показаться на первый взгляд. Если следовать мысли Канта, то строение формы практического разума соответствует строению формы теоретического разума, но не по аналогии, поскольку раздвоение одной и той же формы чистого разума происходит не по ее содержанию, а по направленности на различные объекты познания. Поэтому мы можем говорить о присутствии данной формы в результатах любого процесса познания (независимо от того, касается это объектов природы или морального закона), которые осуществляет разум через априорные формы категорий и априорные формы способности суждения (в двух своих разновидностях — определяющей и рефлектирующей). В процессе деятельности чистого разума категории и способность суждения всегда выступают посредниками между чистым разумом и объектом познания, приводя некие разрозненные значения в систему согласно установлению между ними причинно-следственной зависимости.

Если мы, с одной стороны, указываем на практический разум, а с другой — на априорный моральный закон и его материю (совокупность специфических моральных норм) как на объект познания его разумом (в чем Кант искренне убежден), то невольно создается представление о двух различных субстанциях, каждая из которых живет своей особой жизнью независимо друг от друга. Но не является ли такое представление всего лишь еще одной иллюзией в бесконечном их перечне, созданной с помощью использования нейтральной по отношению к истине и заблуждению формы разума?

В этом случае возникает следующий вопрос: эта взаимная архитектурность (разума и морального закона) случайна или необходима? Архитектурность трансцендентальна, поскольку пронизывает собой и разум, и закон. Если такое совпадение мы объявим случайным (как нечто возникающее на пересечении двух сущностей), то разум и закон будут восприняты нами в пространственном созерцании, т. е. как части вне друг друга. Если же посчитаем совпадение необходимым, то будем вынуждены не только провозгласить между ними в созерцании во времени наличие причинно-следственной зависимости, но и обосновать ее, опираясь на законы формальной логики.

Не вполне корректным представляется отождествлять чистый практический разум и моральный закон, как это делается в данном случае: «Для него (Канта. — А. В.) основной закон чистого практического разума и нравственный закон — это одно и то же» [4: с. 170]. Оттолкнемся от предположения, что пустая форма практического разума первична по отношению к моральному закону. Она пустая и чистая, поскольку не заполнена никаким конкретным

содержанием, а в моральном законе уже присутствует содержание морали, в полной мере соответствующее данной форме. Следовательно, в ранее существующую форму лишь только потом было вложено определенное содержание. Здесь Кант вступает в проблему, способную разорвать в его представлении мораль и религию, но все же придерживается своего морального доказательства бытия Бога с опорой на момент колебания человеческой свободы воли между себялюбивыми склонностями и всеобщими нормами морального закона.

Кант неоднократно подчеркивает, что этика должна подчиняться разуму, поскольку только мысленному, логическому определению всеобщего в этике можно и нужно следовать, абстрагируясь от эмоций (жалости, любви, привязанности и прочее). Кант в этой связи (при указании на причинно-следственную связь между разумом и законом) пишет: «...если бы моральный закон уже прежде не мыслился ясно в нашем разуме, то мы не считали бы себя вправе допустить нечто такое, как свобода...» [1: с. 281].

По современной классификации Кант использует для определения отдельной всеобщей нормы гипотетико-дедуктивный метод теоретического уровня познания, не покидая в определении всеобщего область гипотезы, перемещаемой затем в определение достаточного основания морального поведения. Тем самым право на определение общезначимого Кант находит благодаря формальной стороне логического мышления.

Если взять отдельно универсальную всеобщую норму, то в представлении Канта выход на нее идет через перебор вариантов поведения противоположной по содержанию нормы (следуя доказательству от противного), приводящей в результате к тупиковой ситуации, если этой негативной нормой будут пользоваться либо обоюдно участники общения, либо пострадавшей стороной неизбежно окажется тот, кто ее использует односторонне. Происходит погружение любой используемой в общении нормы в разнообразные ситуации, а они уже проявляют ее положительные или отрицательные значения. В данном случае находит свое применение индуктивный метод, в самой структуре которого уже присутствует идея архитектоники разума. Таким образом, содержание отдельной всеобщей нормы соответствует пустой априорной идее разума точно также, как и сама структура морального закона.

Исходя из вышеизложенного, приходим к выводу, что единственным достаточным основанием для определения высоконравственного поведения является априорная идея архитектоники чистого практического разума. Поскольку Кант как верующий человек был убежден относительно привнесения в нас извне морального закона Богом (то есть отделял разум от морального закона), утверждая лишь о доступности его содержания и объема материи для нашего разума, то вполне симптоматично звучит название его работы, последовавшей после «Критики способности суждения» (1790), — «Религия в пределах только разума» (1793), где Кант провозглашает моральную религию в противовес религии культа. Если здесь отвлечься от религиозного момента, то название

могло бы прозвучать как «Мораль в пределах только разума». Обратим внимание на следующее его высказывание: «Но откуда же у нас понятие о Боге, как о высшем благе? Исключительно из *идеи* нравственного совершенства, которую разум создает а priori и которую он неразрывно связывает с понятием свободной воли» [2: с. 107]. Кант в работе «Религия в пределах только разума» не требует от верующего ничего кроме соблюдения всеобщих моральных норм, отрицая всякое культовое действие как пережиток незрелого религиозного сознания.

Ключевой проблемой осмысления Канта является определение соответствия фрагмента его текущей мысли, заключенной в отдельном положении, сквозной общей идее, с которой эта мысль органично должна быть связана. Таким образом, нарушение *закона тождества* формальной логики в среде кантоведов (где мысль **a** должна быть равна самой себе **a** в процессе всего ее развития) как раз и ведет к увеличивающимся разногласиям, что служит демонстрацией закона непротиворечия (или противоречия, где «**a** не есть, не должно быть **не-а**»), выступая существенным признаком отсутствия истинного понимания Канта. *Закон исключенного третьего* требует определиться с трактовкой подлинного содержания того или иного положения, но для этого необходимо следовать *закону достаточного основания*, определяющего подлинную причину появления кантовского суждения, а это оказывается (исходя из истории становления кантоведения) не так уж и просто. Осложнение использования *закона исключенного третьего* («или **a**, или **не-а**») обусловлено часто выбором не между двумя суждениями, а целым рядом не совпадающих между собой суждений.

Признание невозможности однозначного прочтения Канта (опираясь на наличие исторически накопившейся совокупности кантоведческих разногласий) может служить достаточным основанием для нескольких неутешительных следствий: язык изложения Кантом своих положений слишком тяжел для адекватного их понимания (1); совокупные усилия кантоведов пока еще не доросли до вершин кантовских абстракций, что не дает возможности постичь всю глубину его мысли (2); Кант запутался в собственных рассуждениях (3), — но это менее всего вероятно.

Литература

1. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч.: в 4 т. На нем. и рус. яз. Т. III. М.: Московский философский фонд, 1997. С. 277–733.
2. Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Соч.: в 4 т. На нем. и рус. яз. Т. III. М.: Московский философский фонд, 1997. С. 39–275.
3. Мучник П. Моральная непостижимость и самоконституирование у Канта // Кантовский сборник. 2014. Вып. 4 (50). С. 17–38.
4. Слинин Я.А. Этика Иммануила Канта // Перов Ю.В., Сергеев К.А., Слинин Я.А. Очерки истории классического немецкого идеализма. СПб.: Наука, 2000. С. 154–206.
5. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М., 1990. Электронная библиотека — Институт философии РАН. URL: http://iphras.ru/elib/Soloviev_Opr_dobra.html

Literatura

1. *Kant I. Kritika praktičeskogo razuma* // Kant I. Soch.: v 4 t. Na nem. i rus. yaz. T. III. M.: Moskovskij filosofskij fond, 1997. S. 277–733.
2. *Kant I. Osnovopolozhenie k metafizike нравов* // Kant I. Soch.: v 4 t. Na nem. i rus. yaz. T. III. M.: Moskovskij filosofskij fond, 1997. S. 39–275.
3. *Muchnik P. Moral'naya nepostizhimost' i samokonstituirovanie u Kanta* // Kantovskij sbornik. 2014. Vy'p. 4 (50). S. 17–38.
4. *Slinin Ya.A. E'tika Immanuila Kanta* // Perov Yu.V., Sergeev K.A., Slinin Ya.A. Očerki istorii klassičeskogo nemeckzogo idealizma. SPb.: Nauka, 2000. S. 154–206.
5. *Solov'ev V.S. Opravdanie dobra* // Solov'ev V.S. Soch.: v 2 t. M., 1990. E'lektronnaya biblioteka — Institut filosofii RAN. URL: http://iphras.ru/elib/Soloviev_Opr_dobra.html

A.V. Kucherenko

TRANS within the Framework of Kant's Teaching about the Free Will

In the article the author makes an attempt of comprehension of separate theses of Kant's ethics with the use of laws of formal logic and dialectics. In a spot light there is a question about correlation of content of practical reason and moral law, and the free will is examined from position of values of transcendental and transcendental. The problem of perfection of method in determination of content of private generally significant norm is touched on.

Keywords: free will; moral law; practical reason; architectonics; transcendental.